

*Т.В.Смирнова***Ягодки и не только**

Люблю чай...

В.Розанов

Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой во время Первой мировой войны служил на санитарном поезде. Вот что он писал о сестрах милосердия, с которыми ему пришлось работать. «"Общинские" сестры по своему типу принадлежали к мещанскому кругу. Во время безделья они главным образом жаловались на "неподходящие условия" жизни и на стол, так как они "привыкли к лучшему качеству харчей и большему разнообразию". <...> Со стороны людей более высокого культурного уровня таких жалоб, конечно, не поступало»¹. Заметим, что воспоминания написаны в эмиграции, уже после

того как он провел около двух лет в заключении и испытал в полной мере и «неподходящие условия» и жестокий недостаток «харчей». Но князь сохранил то отношение к жизненным удобствам, которое было свойственно русской литературе XIX века. Интерес к пище был характерен для героев не слишком симпатичных. А крыжовник стал прямо-таки каким-то символом мещанства: вспомним «кружовенное» варенье тургеневской

Фенички или чеховский рассказ «Крыжовник». Не только писателям-аристократам, но и разночинцам не приходило в голову отступить от принятого отношения в «харчам».

И вдруг... «"Что делать?"» – спросил нетерпеливый петербургский юноша. – Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье, если зима – пить с этим вареньем чай»². Да ведь это мещанство! А автор еще

туда же: «Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать)...»³. Кто же потряс основы русской литературы? А это Василий Васильевич Розанов. «Я взорвал литературу!» – сказал он однажды⁴. И как говорил Достоевский: «Мы все вышли из гоголевской шинели», многие писатели XX века могли бы сказать, что вышли они из розановских «ягодок».

Вот хоть Иван Шмелев. Москва. Постный рынок. «Какой же великий торг! Широкие плетушки на санях, – все клюква, клюква, все красное. Ссыпают в щепные короба и в ведра, тащат на головах.

– Самопервеющая клюква! Архангельская клюю-кыва!..

– Клюю-ква... – говорит Антон, – а по-нашему и вовсе журавиха.

И синяя морошка, и черника – на постные пироги и кисели. А вон брусника, в ней яблочки. Сколько же брусники!»⁵.

Ах, Иван Сергеевич!.. Забыл в далекой Франции, что морошка-то не бывает синей. Янтарно-желтая она, когда спелая... Да что ягоды... Все «Лето Господне», все «Богомолье» полны уж такими красочными описаниями всевозможнейшей еды. Не из аристократов он, конечно... Но вот В.В. Набоков – аристократ. А как ярко, как выпукло рисует он всевозможные мелочи комфорта: и дегтярное лондонское мыло, становившееся в воде янтарным на свет, и особую оранжево-красную губку, и раскладную резиновую ванну, и лондонскую пасту, выходящую из трубочки плоскою лентой. «Бесконечная череда удобных, добротных изделий да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском»⁶. Ягоды?.. А как же! Старый садовник Егор «на огороде пытался отвести мое прожорливое внимание от ананасной земляники к простой клубнике»⁷. Ну, пусть то – эмигранты. Все в потерянной России кажется им чудесным и выпукло-ярким. А Юрий Олеша? Какая схватка героев! Один – директор треста пищевой промышленности. Другой – поэт. Поэт издевается: «Он заведует всем, что касается жранья. Он жаден и ревнив. Ему хотелось бы самому жарит все яичницы, пироги, котлеты, печь все хлеба. Ему хотелось

бы рожать пищу». Но возмущение обжорством незаметно переходит в увлечение, даже восхищение: «Он обжора. Обедает он вне дома. Вчера вечером вернулся он голодный, решил закусить. Ничего не нашлось в буфете. Он спустился вниз (на углу магазин) и притащил целую кучу: двести пятьдесят граммов ветчины, банку шпротов, скумбрию в консервах, большой батон, голландского сыру доброе полнолуние, четыре яблока, десяток яиц и мармелад “Персидский горошек”»⁸. А вот как устами героя-поэта говорит автор о синем одеяле, купленном в Харькове, на Благовещенском базаре, в голодный год. «Баба торговала пирогами. Они укрыты были одеялом. Они, остывающие, еще не испустившие жара жизни, почти что лопотали под одеялом, возились, как щенки. В то время я жил плохо, как все, и такой благодатью, домовитостью, теплотой дышала эта композиция, что в тот день я принял твердое решение: купить себе такое же одеяло»⁹. Может быть здесь, в этих строчках разгадка – почему больше не стыдились русские писатели такой темы? Пришлось пережить такой голод и холод, что неизмеримо, тысячекратно возросла ценность и одеяла и пирогов, и мыла... Ведь все пережили гражданскую войну, военный коммунизм, разруху. Вспомним хотя бы «Солнце мертвых» И. Шмелева.

А Михаил Булгаков! «...20-й год вышел еще хуже 19-го. Произошли события и притом одно за другим. Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на одиннадцати с четвертью. И, наконец, в террариях зоологического института, не вынеся всех пертурбаций знаменитого года, издохли первоначально восемь великолепных экземпляров квакшей, затем пятнадцать обыкновенных жаб и, наконец, исключительный экземпляр жабы Суринамской. Непосредственно вслед за жабами <...> переселился в лучший мир бессменный сторож института старик Влас.<...> Причина смерти его, впрочем, была та же, что и у бесхвостых гадов, и ее Персиков определил сразу:

– Бескормица!»¹⁰.

Но вот настал НЭП. И уже у другого профессора – Преображенского – «На разрисованных райскими цветами тарелках с черною широкой каймой лежала тонкими ломтиками нарезанная семга, маринованные угри. На тяжелой доске кусок сыру в слезах, и в серебряной кадлушке, обложенной снегом, – икра»¹¹. А стол, накрытый к чаю, в «Днях Турбинных! А кабинет заведующего материальной частью Независимого театра! А обед председателя жилтоварищества Никанора Ивановича: «Супруга его принесла из кухни аккуратно нарезанную селедочку, густо посыпанную зеленым луком. Никанор Иванович налил лафитничек водки, выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селетки... <...>А Пелагея Антоновна внесла дымящуюся кастрюлю, при одном взгляде на которую сразу можно было догадаться, что в ней, в гуще огненного борща, находится то, чего вкуснее в нет в мире, – мозговая кость»¹². Ну а о ресторане «У Грибоедова» кто ж не помнит?!. «Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями?»¹³.

Валентин Катаев... «Разбитая жизнь или волшебный рог Оберона». «Буфет в фойе бель-этажа привлекал наше внимание и волновал, быть может, еще сильнее, чем действие на сцене. Нигде я не видел таких больших груш дюшес, от одного взгляда на которые рот наполнялся слюной, таких больших, обернутых серебряных бумагой шоколадных бомб с сюрпризами в середине, таких сводящих с ума пирожных, маленьких бутылочек лимонада – газес, которые стреляли своими пробочками, как пистолеты, а потом их горлышки с остатками проволочки слегка дымились, распространяя вокруг влажный покалывающий запах лимона, наконец, не было ничего прекраснее театральных бутербродов, выставленных на прилавке буфета, в особенности маленьких круглых бутербродиков с блестящей, черной, как вакса, паюсной

икрой по двадцать копеек за штуку, чего наше семейство не могло себе позволить»¹⁴.

Но читали ли эти писатели Розанова? Что ж – в науке бывают открытия, которые делаются разными людьми дважды. Но это не умаляет заслуг ни одного из авторов. Все же по времени – Розанов был первым. Первым русским писателем, открывшим, что наслаждаться бытовой стороной жизни вовсе не стыдно. И писать о ней стоит.

---

¹ Трубецкой С.Е. Минувшее / Князя Трубецкие. Россия воспрянет. М., 1991. С. 96.

² Розанов В.В. Эмбрионы. Сочинения. М., 1990. С. 248.

³ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый / Розанов В. Миниатюры. М., 2004. С. 186.

⁴ Цит. по: Дурьлин С.Н. В своем углу. М., 2006. С. 302.

⁵ Шмелев И.С. Лето Господне / Шмелев И.С. Богомолье. Лето Господне. М., 1996. С. 156.

⁶ Набоков Владимир. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М., 1990. Другие берега. С. 173–174.

⁷ Там же. С. 154.

⁸⁸ Олеша Ю. Зависть / Олеша Ю. Повести и рассказы. М., 1965. С. 22, 21.

⁹ Там же. С. 33.

¹⁰ Булгаков М.А. “Я хотел служить народу...” Проза. Пьесы. Письма. Образ писателя. М., 1991. С. 96.

¹¹ Там же. С. 173.

¹² Там же. С. 259.

¹³ Там же. С. 288–289.

¹⁴ Катаев В. Разбитая жизнь или разбитый рог Оберона. М., 1973. С. 147–148.

Текст опубликован: Вестник Костромского гос. университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: ЭНТЕЛЕХИЯ. Кострома, 2011. Т. 17. № 23. С. 36–38.